

ПРОКЛЯТИЕ КУКЛЫ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ

ОЛЬГА КУДРЯВЦЕВА ЕЛЕНА БУЛГАНОВА

Когда она появляется, кто-то из ребят исчезает...

Смерть в пионерском галстуке

Елена Булганова

**Проклятие куклы в
пионерском галстуке**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Булганова Е. Д.

Проклятие куклы в пионерском галстуке / Е. Д. Булганова —
«Эксмо», 2026 — (Смерть в пионерском галстуке)

ISBN 978-5-04-252925-2

ТРИЛЛЕР В ДЕКОРАЦИЯХ ПИОНЕРСКОГО ЛАГЕРЯ В СТИЛЕ «СМЕРТИ В ПИОНЕРСКОМ ГАЛСТУКЕ». ИСТОРИЯ, В КОТОРОЙ ОЖИВАЕТ ЛАГЕРНАЯ СТРАШИЛКА, ОТ АВТОРОВ ТРИЛЛЕРА «ПИОНЕРЫ НЕ УМИРАЮТ». Хулигана и двоечника Кирилла отправляют в пионерский лагерь «Факел». В одном отряде с ним оказывается Терезия, с которой он учится в одной школе и в которую тайно влюблен. Существует поверье: каждую третью смену в каком-нибудь лагере появляется проклятая кукла в пионерском галстуке и в ночь прощального костра похищает самого лучшего подростка. Отличница Терезия боится, что станет жертвой. Чтобы уберечь ее, Кирилл обещает сам стать лучшим пионером, совершить подвиг и отвлечь проклятие на себя. В первую же ночь в чемодане вожатой обнаруживается загадочная кукла-пионерка. А позже одна из девочек едва не задыхается во сне — ее находят с куклой на груди, словно та пыталась задушить ребенка... «Что делать, если страшилка, рассказанная в пионерском лагере, начинает сбываться, вожатые что-то скрывают, а в других лагерях пропадают дети? Бойкий хулиган Кирилл ныряет в самую гущу событий, чтобы спасти прекрасную Терезию. Но тайн, странных событий и даже убийств становится только больше, а разгадка вас точно удивит. Шикарная и динамичная детективная история со множеством сюжетных твистов, от которой я не могла оторваться». — Книжный блогер Анна books_holy_anna

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252925-2

© Булганова Е. Д., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1. Суровое наказание	7
Глава 2. Явление куклы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Кудрявцева, Елена Булганова

Проклятие куклы в пионерском галстуке

© Кудрявцева О. А., Булганова Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Посвящается неизвестному мальчишке, который защитил одного
из авторов в школьной раздевалке много-много лет назад*

Глава 1. Суровое наказание

На уроке географии пятиклассник Кирилл Мальцев сидел с закрытыми глазами и думал о море. Так крепко думал, что уже почти ощущал всем телом тугую мощь волны и солоноватую горечь на языке.

Вон неподалеку на желтом надувном матрасике плавает сестрица Оля, воображает из себя взрослую: нацепила солнцезащитные очки и даже нос, подражая маме, заклеила кусочком бумаги. Не подозревает, бедняга, что Кир так близко. Еще мгновение – и он подныривает под матрас, пихает плечом его скользкий бок. Стремительно, все так же под водой спешит прочь, оставляя позади упоительно истошный визг сестры.

Потом он увидел себя растянувшимся на влажном песке, а мама и папа, увлеченные, как дети, сыплют и сыплют этот песок на его тело, пока не остается на поверхности песчаного саркофага только лицо. Сестра не участвует, дует, хотя и не может доказать, что именно брат спихнул ее с матраса (Кир, конечно же, стоит на том, что это был дельфин).

Но после шашлыка и мороженого Оля добреет, и вот они уже вчетвером лепят на прибрежной линии очень хищного крокодила с острыми зубами-раковинами. А затем, уставшие, просто сидят у кромки воды и смотрят, как огромная гора, приняв образ медведя, прилегла на брюхо напиться из моря...

– Мальцев, ау!

Кирилл нехотя поднял голову и посмотрел в черные пронзительные глаза географа, придиричьего и быстрого на расправу Петра Павловича, для простоты Петропальча. Правда, сегодня учитель выглядел чуть более миролюбивым. Даже на него нужным образом подействовало буйство солнечных лучей необыкновенно теплого для их северо-запада майского дня.

– Домашнее задание сделал? – спросил географ почти ласково. – Что-то не наблюдаю на твоей парте контурной карты. Забыл достать?

– Не забыл. Не сделал, – ответил Кирилл.

Учитель округлил глаза.

– Ого, не узнаю тебя, Мальцев! Вот так сразу признать, что не поработал дома? А где пятнадцать попыток выкрутиться? Где рассказ о потопе в твоей квартире, в котором трагически погибла тщательно раскрашенная карта? Или о собаке, выхватившей ее из ранца, когда ты остановился у скамейки проверить, не оставил ли дома дневник? Уж не заболел ли ты, дружок?

Кирилл, утомленный таким вниманием к своей персоне, помотал головой. Учитель даже попятился от его парты, картинно замахав руками.

– Нет, определенно дело плохо! Ты даже не ухватился за мои слова, чтобы рассказать, к примеру, о лихорадке Эбола, которую подхватил от случайно встреченного в автобусе чернокожего иностранца. Вот думаю, не отправить ли мне тебя к медсестре? Температуру измерить, горлышко глянуть...

Парень гордо промолчал, только зыркнул по классу, проверяя, кто это там хихикает. Веселились в основном девчонки, поскольку знали, что им ничего не грозит, – девчонок Мальцев принципиально не бил. А вот пацаны на всякий случай делали вид, что заняты своими делами и не слышат веселого разговора между худшим учеником класса и классным руководителем. Потому что знали: позволь они себе хоть крохотное веселье – и на перемене не избежать неприятностей. Этот чокнутый Мальцев налетит смерчем, повалит на пол... Себе дороже связываться с отпетым драчуном.

Глаза Петропальча словно ледком подернулись. Он потерял интерес к ученику, просто выдернул из-под учебника его дневник и унес к своему столу, бросив на ходу через плечо:

– После урока задержись-ка, Мальцев. Потолкуем с тобой.

Кир тяжело вздохнул, потом снова посмотрел в окно и напомнил себе: «Ничего, скоро лето, и мы поедem на море. Всего-то месяц остался». Весенний денек снова расцвел добрыми надеждами.

Не омрачился он даже тогда, когда со звонком пришлось подойти к столу Петропальча и долго ждать, когда тот закончит нарочито медленно заполнять классный журнал и поднимет на Кира прищуренные, жирно блестящие, сулящие неприятности глаза.

– Ну что, брат Мальцев, покалякаем о делах наших скорбных? – заговорил географ тем низким рокочущим голосом, который вгонял в ужас любого в классе, кроме Мальцева.

Тот еще выше вскинул голову и подул на упавший на глаза русский чуб.

– Светит тебе, дружок, второй год в пятом классе. Ярче весеннего солнышка светит.

Кир выжидательно поднял правую бровь.

– Смотри, какая мрачная картина у нас вырисовывается: по математике назревает двойка, по русскому – аналогично. – Классный руководитель для подкрепления своих слов снова открыл журнал и стал водить по строчкам длинным желтоватым ногтем. – По литературе оценочка зависла между двойкой и тройкой. По моему предмету и говорить не стоит. По пению ее нет вовсе, потому что наша дорогая Нина Августовна тебя боится и отказывается проводить урок в твоem присутствии. И нам, педсоставу, сложно осуждать ее за это.

Тут Кириллу ничего не оставалось, кроме как развести руками и громко вздохнуть, – с педсоставом в этом вопросе он был солидарен. Нину Августовну жалко, но он не виноват, что голос у него такой громкий, а по ушам не то что медведь, а, по уверениям отца, стадо слонов основательно потопталось.

Вдруг мысли мальчика, до этого текущие тихо и безмятежно, словно сорвались с цепи, забурлили и забились, как морские штормовые волны о каменный пирс. Не веря сам себе, Мальцев ухватился за углы пионерского галстука и дернул так, что наверняка затянул узел на веки вечные. А после впери в классного руководителя взгляд почти круглых глаз бутылочного цвета и переспросил, едва справляясь с дыханием:

– На второй год?! В пятом классе?!

Географ оторвался от журнала и посмотрел на нерадивого ученика – как видно, уловил изумленную дрожь в голосе.

– Я очень рад, что до тебя начинает доходить, Мальцев. Да, может случиться так, что ты еще один учебный год будешь посещать пятый класс.

– Пятый «В»? – жадно спросил Кир.

– Этого я не знаю. Возможно... Мальцев, дружок, ты точно не затемпературил, часом? Прямо огнем пынешь. Не посетить ли тебе в самом деле медкабинет?

– Я здоров! – крикнул Кирилл. – Спасибо, Петро... Петр Павлович! Можно я пойду?

До дверей класса учитель провожал его озадаченным взглядом.

Урок географии был в этот день последним, иначе, как бы ни был потрясен Мальцев, подсказку про медкабинет он, без сомнения, поймал бы на лету. Но сейчас в этом не было никакого проку. Он в темпе покинул школу и до дома несея бегом. Не то чтобы торопился туда, просто энергия счастливой надежды не позволяла перейти на шаг.

Опомнился он, когда палец уже давил на кнопку звонка. Открыла мама, и ее лицо моментально поведало Киру печальную истину: Петропальч успел позвонить и рассказать о перспективе второгодничества. Покрасневшие глаза и закушенные губы матери не то чтобы полностью убили радость в его душе, но ощутимо задвинули ее на задний план. Мальцев согнал с лица счастливую улыбку, не став делать вид, будто не понимает причину ее огорчения.

– Мам, ну чего ты, не переживай! Подумаешь, второй год. Ничего страшного.

Мать даже охнула тихонечко, попятилась и замахала на него руками. В лицо Киру полетели брызги, потому что его родительница варила обед.

– Кирилл, да что ты такое говоришь?! Ты еще при отце это ляпни! Такой позор!.. Никакого второго года не будет!

– Как не будет?

Он даже отпрянул от этих слов, врезался ранцем в лестничные перила, и они застонали на все лады, заходяв ходуном. Но тут крепкая материнская рука втянула его в квартиру и захлопнула дверь.

– Об этом и речи не может быть. Второй год! Отец этого не перенесет. Пока что тебя оставляют на осень, и то если не исправишь оценки до конца учебного года.

– Что значит оставят на осень?

Он недоуменно заморгал и уронил ранец с плеч на коврик в прихожей. Так и стоял в уличных ботинках, не в силах нагнуться и развязать шнурки, – нелегко дается потеря надежды.

Мама, напротив, успокаивалась и веселела на глазах. Она с готовностью объяснила:

– Ну, Кирюшка, ты просто позанимаешься летом, а в конце августа будет небольшой экзамен по предметам, по которым сейчас у тебя выходит двойка. Ничего страшного. Ты все ответишь и пойдешь в шестой класс, как и положено. Мы с папой тебе поможем...

– А как же море? – перебил ее Кирилл.

Как гром с небес прозвучал прохладный ответ матери:

– А моря в этом году не будет, сынок.

– Как? Вообще?

Это не умещалось в голове. Хотелось проснуться и узнать, что эти немыслимые слова никогда не произносились на самом деле. Но мать, не отрывая от него пристального взгляда, слегка мотнула головой.

– Нет, не вообще. Мы с отцом перенесем наши отпуска на август, чтобы ты мог нормально подготовиться. И в августе поедem... Втроем.

– А я?! – ахнул Кирилл.

– А тебе возьмем путевку в пионерский лагерь. Там ты будешь культурно отдыхать и утрясать в голове накопленные знания.

Дальше Кир не слушал, в ушах что-то зажужжало – противно так, тоненько. Он был не просто потрясен, а раздавлен, убит! Потому что это было немыслимое предательство со стороны родителей – не взять его в семейную поездку. Разве не они учили его и старшую сестру Ольгу, что семья должна как можно чаще бывать вместе, всеми способами укреплять доверие и взаимопонимание? А как дошло до дела, так его из-за сущей ерунды вышвырнули из семьи, лишили поездки, о которой он мечтал весь год. С ужасом ощутил Кир, как уголки глаз пощипывают слезы, попытался рвануть в комнату, но не удалось – коридор был слишком узок. Он отвернулся и уткнулся лицом в одежду на вешалке. Ощутил, как материнские руки ложатся на его плечи, услышал ее немного испуганный голос:

– Ну что ты, Кирюш? Сдай ты свои предметы. Учителя наверняка пойдут тебе навстречу, хорошо все будет...

Как будто это его волновало!

Он оставил одежду в покое, шмыгнул носом и деловито уточнил:

– А если я до августа все-все выучу, тогда возьмете меня на юг?

Мама с непреклонным видом покачала головой.

– Нет, сын, увы. Я уже обсудила это с отцом по телефону, и наши с ним позиции совпали. Тебе придется понести наказание, ведь ты разрушил наши планы. И Олины тоже.

– Нельзя мне в лагерь, – хмуро, равнодушно констатировал Мальцев, только что переживший крушение надежд по всем фронтам своей жизни. – Все равно через день-другой велят ехать домой. А куда я поеду, раз вы на море?

– Ты имеешь в виду: после того как в очередной раз нахулиганишь? – отстраняясь, тоном с привкусом металла уточнила мать. – Ох, Кирилл, ну в кого ты такой? Дерешься, плохо

учишься... Я всегда думала, что, раз у ребенка хорошая дружная семья, он автоматически становится... ну, таким, как наша Оля, к примеру. Вспомни, как тебе еще до школы нравилось учиться, как гордился тобой папа. Правда, я просила его не заниматься с тобой так основательно, ведь все равно все это проходят в первом классе. Но вы оба получали такое удовольствие – вот и...

Мать безнадежно вздохнула и с самым огорченным видом скрестила руки на груди. Кир протиснулся мимо и пошел, горбя спину и волоча за лямку ранец. Ощущал он себя в этот момент круглым сиротой.

Наверное, мать что-то почувствовала, потому что проговорила ему вслед:

– Но есть же еще время до конца года. Если ты исправишь оценки и нормально перейдешь в шестой класс, то мы забудем эту историю и планы останутся прежними.

Увы, эти слова прозвучали слишком поздно.

Мальцев зашел в их с сестрой комнату, сел за стол, попинал ранец. Бесконечно долго развязывал затянутый узел галстука. Даже думал, что придется теперь жить в нем, ведь резать галстук нельзя, за такое и из пионеров могут турнуть. Потом в полном раздрае он разложил на столе учебники, открыл их все разом, побродил по страницам невидящим взглядом. С предательством близких он уже смирился, но оставалась другая дилемма.

Кирилл не сомневался, что может запросто исправить двойки, ведь учеба в самом деле давалась ему легко. Даже слишком легко, наверное. В первом классе он поначалу понять не мог, почему все корпят над тем, что ему давно известно, и зачем выводить в прописях дурацкие палочки и крючочки, если он в состоянии написать нормальными буквами весь алфавит. Он рвался к доске, хотел продемонстрировать свое умение недотепам-одноклассникам, но молодая учительница, только что получившая свой первый в жизни класс, досадливо морщилась, прикусывала губу и старалась по возможности не замечать надоедливую всезнайку. Так что школа уже к середине сентября стала для Кира местом вязкой скуки, и, чтобы хоть немного развеяться, он начал хулиганить. Сперва по мелочи, и даже заметить не успел, в какой момент оказался главным хулиганом школы.

И вот теперь ему нужно было определиться: исправить оценки, чтобы перейти в шестой класс и мирно отправиться на каникулы, поехать с семьей на море, хотя ему теперь не то что ехать – думать о море было противно; или не исправлять, а осенью завалить переэкзаменовку и оказаться в одном классе с Терезией, сейчас оканчивающей четвертый.

Терезия Руденко была девочкой такой красивой, что на нее вечно тарасились даже старшеклассники. На переменах Кир находил ее класс и исподтишка наблюдал за ней. Вдруг кто-то обидит ее, к примеру толкнет случайно или умышленно? А девочка выглядела такой хрупкой, хотя была довольно высокой, и все перемены простаивала у окна с книгой в руках. Кир однажды увидел, как завуч взяла книгу из рук Терезии, глянула на обложку и отругала за то, что та читает литературу не по своему возрасту. Но Руденко подняла на нее глаза, похожие на крупные перезрелые вишни, и посмотрела так, что завуч только махнула рукой и книгу вернула.

У Кира, стоило ему увидеть Терезию или просто заметить в толпе ее черные косы с коричневыми бантами, в груди становилось жарко, за ребрами словно разгорался костер. И нельзя было оставаться на месте, хотелось непременно что-нибудь сделать, показать себя. Однажды в раздевалке он схватил за волосы и столкнул лбами двух восьмиклассников. Пришлось, правда, потом целую неделю бегать от них по школе, потому что с двумя бугаями даже поднаторевшему в драках Киру было не справиться. Жаль, не успел он тогда посмотреть, заметила ли Терезия его подвиг, спросила ли у всегда толпящихся вокруг нее ребят, как зовут этого бесстрашного парня...

Время шло, а Мальцев все сидел, смотрел в учебник пустым взглядом и пытался принять решение. За второгодничество его по головке не погладят, но ради того, чтобы оказаться в

одном классе с Терезией, он готов был потерпеть. Особенно сейчас, когда словно глубокая пропасть пролегла между ним и прочими членами семьи.

Вернулась из школы сестра Оля. Вела она себя непривычно тихо, ходила на цыпочках и в кои-то веки подмела не только свою половину комнаты, но и братнину. Отец задерживался на работе, не пришел даже к ужину, но Кир сегодня этому был только рад. Он быстро закинул в себя еду и вернулся за стол. Сырники и чай ему мама в комнату принесла, поставила бесшумно на край стола.

Потом вдруг оказалось, что они с Терезией бегут по морскому берегу, хохочут и плещутся, а за ними гонится крокодил с зубами-ракушками...

И тут кто-то потряс его за плечи. Кир ошалело заморгал.

В комнате горела только его настольная лампа, в окна сочился молочный свет белой ночи. Рядом с ним стояли Оля в пижаме и босиком и мама в халате, с распущенными по плечам волосами. Мать заговорила почему-то шепотом:

– Иди в кровать, Кирюша, а то уже утро скоро. Ты наверняка выучил все наизусть.

Он хотел возразить, но тело от усталости стало вялым, а язык отказывался нормально шевелиться. Побрел Кир к своему дивану, спотыкаясь и на ходу расстегивая рубашку.

Утром его разбудила Оля. Она сегодня была главной по квартире, потому что мама уже ушла на свою смену в детском саду. На стуле рядом с кроватью висел отпаренный алый галстук и лежала записка: «Удачи, сынок!» Галстук Кирилл повязал, записку недоуменно повертел в руках, сунул ее в карман и отправился в школу.

Мысль о невыученных уроках его отнюдь не беспокоила. Чаще всего Мальцев даже не прикасался к ранцу, только утром перед выходом из дома торопливо менял учебники согласно расписанию, да и то не всегда. К тому же он был уверен, что сегодня его трогать не станут, решат, что остается на осень, ну и ладно.

Но все сложилось совсем не так, как он думал. Первым по расписанию был урок литературы – и его спросили. Потом история древнего мира – и его вызвали первым. Русский язык – на пятой минуте урока. Кирилл только дивился такому закону подлости и со вздохом нес на учительский стол свой потрепанный дневник.

Четвертым уроком было пение, и Нина Августовна, чью тощую шею обвивал газовый шарфик, еще до того, как разрешила всем сесть, ласково попросила Мальцева покинуть класс. Он вышел без единого слова и даже уважительно кивнул старой учительнице – знал, что в журнал она поставит итоговую пятерку за то, что он освободил аудиторию от своего присутствия. Можно было идти домой.

Но тут на пути у мальчика вырос классный руководитель, так и пышущий гневом, сверкая глазами, линзами очков и взмокшим лбом.

– Дневник, Мальцев!

– Меня Нина Авгу... – начал Кирилл.

Но учитель рявкнул на весь коридор:

– Дневник, кому сказано!

Мальцев достал главный документ школьника и вложил его в протянутую руку. Петропалыч быстро пролистал до текущей страницы, впился в нее глазами, свободной рукой стукнул себя по затылку.

– Две единицы и двойка, Мальцев! И это после того, как я лично попросил учителей вызвать тебя сегодня, потому что твоя мать позвонила и сказала, что ты занимался весь день и почти всю ночь, готовился, хотел все исправить!

Тут Киру тоже захотелось стукнуть себя по голове. Вот же незадача! Мать и сестра все неправильно поняли, а ведь он только хотел подумать в тишине, чтобы к нему не приставали.

Домой Мальцев брел словно через силу – никакого сравнения с тем, как он летел вчера. Вошел – а на тумбочке в прихожей уже разрывался телефон. И Кир прекрасно знал, чей голос услышит в трубке.

– Кирюша, ну что? У нас все получилось?

Голос матери звенел от ликования, и это было невыносимо. Он просто не мог, даже в свете вчерашней большой обиды, огорчить мать жестокой правдой. Поэтому сказал:

– Все хорошо, мам.

– По всем предметам тебя вызвали?

– Угу.

– Вот хорошо! Спасибо Петру Павловичу! Ну и как, ты все исправил?

– Ага.

– Молодец! Тогда обедай и отдыхай – шутка ли, полночи не спал!

Кирилл только тоскливо вздохнул, но мать не слышала – уже повесила трубку.

Конечно, не таким Мальцев был человеком, чтобы унывать по пустякам. Он разогрел и съел куриный суп, отрезал верхушку батона, вынул из нее часть мякоти и щедро залил образовавшуюся полость вареньем. Снова заткнул ее мякотью, дал время хорошенько пропитаться и с аппетитом съел перед телевизором.

Но что-то все же свербело в груди, словно там поселился прожорливый червячок. К приходу Оли, чтобы не отвечать еще и на ее вопросы, он лег на свой диван и отвернулся лицом к стене. После часа неподвижного лежания вдруг сложилось окончательное решение: исправит он эти дурацкие оценки. Время еще есть. Только бы удалось замять сегодняшнее неприятное происшествие, а то в самом деле неладно вышло. Успокоившись, Кир задремал.

Проснулся он, когда мама уже была дома, что-то готовила на кухне, кажется, призвав на помощь дочь, хотя обычно старалась не отрывать ее от уроков, – на Олькином столе еще лежали открытые учебник и тетрадка. Похоже, намечалось нечто грандиозное. Мальчик поплелся на кухню в самом дурном расположении духа.

Оля тоненько нарезала сыр и докторскую колбасу, раскладывала их на красивой тарелке – кстати, купленной в прошлом году на море, – а мама у раковины чистила обожаемую Киром селедку. Увидев сына, она широко улыбнулась.

– Так, неси-ка сюда...

Сердце оборвалось. Неужели дневник?

– ...щеку для поцелуя!

– Ну мам! – поморщился Кирилл и тут же спросил, чтобы увести разговор в другую сторону: – У нас что, гости будут?

– Да, будут, и уже скоро, – подтвердила мама, бросив тревожный взгляд на ходики над обеденным столом. – Так что иди хорошенько умойся, причешись и смени рубашку. Придут папины коллеги. Они сегодня совершили в своем институте какой-то невероятный прорыв. А уж когда я сказала про тебя, отец едва не начал скакать от радости и тут же пригласил всех отпраздновать у нас.

После этих слов Мальцев впал одновременно в смятение и надежду. Он любил веселых и шумных коллег отца, их споры непонятно о чем и песни под гитару и очень надеялся, что все обойдется. Ну зачем отцу обсуждать при гостях проблемы сына с учебой? Ведь те придут с работы уставшие и голодные, тут же набросятся на еду – а там уж все по накатанной: разговоры, споры, песни...

Гости пришли через полчаса, ввалились всем скопом в прихожую, в которой и двум людям не разойтись. Небольшая квартира Мальцевых враз наполнилась шумом, смехом и веселыми голосами.

Кир затаился в комнате, но его быстро нашли. Сперва заглянул в детскую порывистый, как ураган, дядя Лева Липскер. В конце каждого застолья он проникновенно пел под гитару песни собственного сочинения, то отчаянно-грустные, то залихватски-веселые, иногда с такими словечками, что мама вздрагивала и тревожно косилась на сына и дочь. К нему тут же присоединился толстый, колыхающийся всем телом при ходьбе дядя Толя Вараев, у которого начисто отсутствовал подбородок, а щеки свисали до середины короткой шеи. Он умел так уморительно изобразить жующего хомячка или енота-полоскуна, что все хваталось за животы. Коллеги попытались зайти, но столкнулись плечами и застряли в дверях.

Из-за их спин улыбался широко и радостно отец, высоченный, очень худой, всегда немного растрепанный.

– Ну, сынок! – заорал отец, пытаясь грудью протолкнуть своих друзей в комнату. – Давай уже, хвастайся!

– Чем же? – скромно потупился, разведя руками, Кир.

– Дневник, дневник покажи! – громким шепотом стала подсказывать со своей половины Оля, как будто он идиот и не врубается.

Мальцеву как никогда сильно захотелось стукнуть сестру пеналом по голове в обход собственных принципов.

Гости наконец вломились в комнату, причем дядя Лева споткнулся о ковер и упал. Но он не стал сразу вскакивать и смущенно озираться, а перевернулся на спину и растянулся во весь рост, раскинув до невозможности длинные конечности. Дядя Толя ощупал притолоку двери, не сломал ли там чего, и, потешно задирая ноги, переступил через дядю-Левину руки и ноги. Отец обнял за плечи подбежавшую к нему Олю, в другой руке держа любимый в их семье торт «Лесной гость». Задорная мордочка шоколадного ежика была обращена к мальчику, блестели черные круглые глазки. Но Кир застыл напротив них, одинокий, смущенный, заранее исключенный из этой радостной жизни.

– Кирилл, ну в чем дело? – воскликнул отец. – Показывай уже дневник – и давайте к столу! А то вон дядя Лева на ногах не стоит.

– Понимаешь, папа... – начал Кир, и что-то в его голосе сразу заставило отца нахмуриться. – У нас сегодня в классе проводился один интересный эксперимент.

– Ого, мы любим эксперименты! – тут же принял сидячее положение дядя Лева. – Мы их столько за эту неделю провели, что со счета сбились. А про школьные я что-то давно не слышал.

– Это потому, что ты бездетный пока, – довольно кислым тоном ответил ему отец. – Мне вот частенько приходится. Что на этот раз, сын?

Кир, только что осененный этой идеей, успел собраться, так что заговорил уверенно:

– Нам вчера на географии учитель рассказал о том, что в некоторых странах пятерка – это как наша двойка. Зато единица и двойка – отличные оценки.

– Точно, в Германии, к примеру, – пророкотал всезнающий дядя Толя.

Отец тем временем все больше леденел лицом, на друга даже не взглянул.

– Ну, мы здорово удивились, не поверили, – вдохновенно продолжал Кирилл. – Тогда географ – а он наш классный – сказал, что попросит других учителей завтра – то есть сегодня – оценивать нас по такой системе. Было очень весело...

– Дневник! – рявкнул отец.

– Но только на один день, конеч...

– Дневник!!!

Кир вздохнул и вытащил из ранца свой весьма потрепанный в передрыгах (включая химические эксперименты) дневничок, раскрыл его на нужной странице и протянул отцу. Отец дневник в руки не взял, только подался вперед. По бокам от него так же склонились и вытянули шеи его коллеги, дядя Лева торопливо накидывал на нос очки. Охнула Оля, дядя Лева и дядя Толя на цыпочках попятнулись из детской и на этот раз не застряли в дверях, а бесшумно испа-

рились. Отец выпрямился, отшвырнул торт, который чудесным образом приземлился посередине стола Кира, и тяжелым шагом вышел из комнаты. За ним тихой мышкой шмыгнула Оля.

Остались они вдвоем – Кир и шоколадный ежик, – но даже тот теперь смотрел на мальчика укоризненно и грустно, словно говорил ему: «Да, подвел ты меня, дружок. Кто меня после такого есть-то станет? Пропаду я теперь, эх, пропаду!»

Так и случилось, что второго августа грустный и непривычно тихий Кир загружался в автобус вместе с другими ребятами, едущими на последнюю смену в лагерь «Факел» в Ленинградской области. И старательно отводил глаза от родителей и сестры – уже этим вечером поезд увозил их на юг, в Крым, к прекрасному теплему морю.

Вожатая третьего отряда Маргарита Николаевна Осипова стояла в холле корпуса в окружении пионеров с вещами и тщетно пыталась выглядеть собранной и строгой. Или хотя бы не такой испуганной, какой на деле себя ощущала.

У испуга была причина: девушке казалось, что она стала жертвой коварного обмана. Ну разве так выглядят дети десяти-двенадцати лет? Разве не должны они быть доверчивыми, ласковыми, напуганными разлукой с родителями? Такими воображала их себе Маргарита Николаевна и заранее готовилась согреть детей своей добротой, успокоить, развеселить. Вот только непохоже было, что эти дылды с нахальными лицами и громкими голосами нуждались в утешении. Они и на вожатую внимания не обращали, шумно обсуждали какие-то свои вопросы.

Только одна девочка едва не плакала и, опустившись на корточки, обеими руками рылась в своем чемодане. Лямки сарафана без конца сползали с ее пухлых плеч, очки в тяжелой оправе скользили по носу и падали на вещи, девочка с сердитым шипением возвращала их на место и снова ныряла в чемоданные недра. «Распустеха», – подумала Рита и тут же укорила себя за злые мысли. Возможно, девочка забыла что-то важное, нужно позднее разузнать, успокоить ее.

Но не сейчас. Сейчас главное – убедиться, что все на месте, развести детей по комнатам. Рита сердилась на свою напарницу Анну Рейновну. Той по личным обстоятельствам пришлось задержаться на пару часов в городе, а Рита так рассчитывала на нее! Анна Рейновна была старше и уже отработала в этом лагере первую и вторую смены.

– Так, давайте проведем перекличку, а потом я покажу вам ваши комнаты, – сказала Рита.

Но голос ее утонул в шуме носящихся по холлу парней и злобном визге высокой девочки с длинным лицом и экстремально короткой стрижкой, которую они едва не сбили с ног.

– Успокаиваемся, успокаиваемся! – привстав на цыпочки, выкрикивала Осипова.

Для начала она пересчитала своих пионеров. Ладно, количество сходится, все двадцать пять человек на месте, можно выдохнуть и отложить пока перекличку. Но как развести их по комнатам, если она одна, а спальни мальчиков и девочек находятся на разных этажах? Придется для начала загнать на второй этаж парней, а девчат попросить подождать тут. Девочки вроде нормальные.

Хотя...

Взглядом Рита давно уже выхватила одну из них, рослую, очень красивую. Темные волосы заплетены в косу и короной уложены вокруг головы. Одета так, как Рите и не снилось, вещи явно не из советских магазинов, подобраны с большим вкусом. Лицо аккуратно подкрашено, полыхает румянец на высоких скулах, а ведь ей точно не больше одиннадцати. Рита вздохнула. Можно не сомневаться, вокруг кого скоро закипят страсти в ее отряде.

А вот у девочки рядом с ней лицо в меру симпатичное, хотя уж больно кукольное. Густые русые кудри собраны в высокий хвост, капризно выпячена нижняя губа маленького пухлого рта. Ростом совсем ребенок, наверное самая маленькая в отряде, но при этом такие формы, что и взрослые женщины позавидуют. Одета как-то нелепо, в белоснежное платье со множеством оборок – в таком только снежинку у елочки изображать.

Но хуже было другое. За спиной девочки стоял парень ненамного выше ее, но с мужским прищуром и со сжатым в нитку жестким ртом. Коричневые в рыжину волосы плотной шапкой облегли круглую голову. Парень одной рукой по-хозяйски обнимал девочку-снежинку за шею. Рита запаниковала. Они что, парочка? И сколько лет парню? Ну точно не одиннадцать, с таким-то взглядом! Рита решила с этого вопроса и начать, тем более из всех толпящихся вокруг именно парень смотрел на нее неотрывно, с неприятной ухмылочкой.

– Сколько тебе лет?

– Трина-адцать, – растягивая гласные, ответил он лениво, передернув плечами.

– Тринадцать? Но тогда ты должен быть в первом или втором отряде, уж точно не здесь.

– Ага, во втором.

– Так почему же ты?..

– Я провожаю сестру. – Он достал из-за спины другую руку, похлопал девочку по плечу. – Слежу, чтобы ее никто не обидел и она норма-ально устроилась.

Уф, полегчало! Это всего лишь сестра! Хотя общего между ними был только невысокий рост и еще что-то неуловимое во взгляде.

– Послушай, мне кажется, твоя сестра сама может постоять за себя, – заверила парня Рита и словно в подтверждение этих слов словила от снежинки раздраженный взгляд.

– Вы ду-умаете? – уронил голову на плечо парень.

– Я уверена. А теперь живо беги в свой корпус – тебя там наверняка недосчитались.

Осипова еще не договорила, как с ужасом осознала: да ведь без этого парня и у нее получится нехватка пионера!

Неприятный тип не спешил уйти, что-то шептал сестре на ухо, а та морщила кукольное личико и передергивала спиной, давая понять, что не нуждается в его наставлениях. Рита тем временем успела еще раз всех пересчитать, исключив парня, просмотреть список и убедиться, что не хватает кого-то из мальчиков.

– Стойте тут! – приказала она со всевозможной строгостью. – Я вернусь через минуту. – И она бросилась обратно к воротам, панически крутя головой по сторонам.

Пионерский лагерь «Факел» был пуст. Сейчас ребят как раз распределяли по комнатам, они выбирали себе кровати, распахивали по тумбочкам нужные вещи, остальное тащили в гардеробную. Вожатые тоже обживали свои комнатухи во вверенных им корпусах. И только она, Рита, металась в поисках потерянного пионера, оставив бедных детей торчать посреди холла. Неудивительно, если сегодня же ее вызовет на ковер начальник лагеря, дядька, как поговаривали, требовательный и жесткий.

Тут Рита замерла на месте, всплеснула руками. Навстречу ей шагал водитель одного из автобусов, таща за предплечье худенького остролицего мальчишку в перепачканной пылью и мазутом прежде белой футболке.

– Это мой, мой!

Рита бросилась наперерез, отобрала парнишку и спрятала его за спину – ей показалось, что этот долговязый мужчина с большим бугристым носом его сильно напугал.

– Следить надо! – рявкнул водитель, обдав Риту густым амбре курева, соленой рыбешки и вчерашнего пива. – Пытался уехать обратно в багажном отсеке. Хорошо, я его выкрутасы вовремя заметил. – И швырнул на плиточную дорожку раздутую спортивную сумку, которую нес в другой руке.

– Простите! Спасибо вам большое! – крикнула Рита ему вслед, затем вытащила из-за спины и поставила перед собой парня.

На всякий случай она взяла его за плечи и спросила:

– Как тебя зовут?

– Кирилл Мальцев. А вас? – прозвучал бодрый ответ.

Оказалось, он вовсе не был напуган или огорчен. Смотрел прямо в глаза и весело улыбался.

– А я, Кирилл, вожатая твоего отряда Маргарита Николаевна. Но ты, кажется, собирался покинуть нас, даже не познакомившись?

– Ну да, захотелось покататься еще немного, – развел худыми загорелыми руками Кирилл, улыбаясь еще шире. – А то все на машине да на машине, а тут автобус – красота!

«Нет, мы точно были другими в этом возрасте», – подумала Рита. Вслух же сказала:

– Ладно, раз покататься не вышло, пойдем-ка в корпус.

Она зашагала вперед, стараясь перехватить инициативу. Мальчишка догнал ее, пошел рядом. На ходу изучающе заглянул пару раз ей в лицо.

Рита поймала себя на мысли, что этот Мальцев ей нравится, хоть и пришлось поволноваться из-за него. У него были ясная улыбка, широко распахнутые темно-зеленые глаза и выгоревшие волосы почти до плеч – наверняка отрастил за лето. И сам он был какой-то... звонкий, что ли. Приятные бледные черты лица, Рита скорее приняла бы парнишку за юного поэта, чем за хулигана. Впрочем, неизвестно, с кем было бы сложнее управляться. Но хорошо было уже то, что в ее отряде этот Мальцев, а не старший брат снежинки с лицом мужичка-хитрована.

– У вас имя слишком длинное, – отвлек ее Кирилл, сияя улыбкой от уха до уха. – Можно звать вас Марникой?

– На здоровье, – ответно улыбнулась ему Рита. – Но только про себя. Вслух называй меня как полагается, договорились?

– Хорошо, Мар... Ни-ко-ла-ев-на... А давайте сыграем в одну игру!

– Нашел время! – изумилась от всей души Рита, ускоряя шаг.

– Да она простая, эта игра. Называется «Ответ-вопрос», – настаивал мальчик.

– Ладно, давай, – сквозь зубы процедила Рита и задумалась, где ей взять терпения на целую смену, если оно уже сейчас почти на нуле.

– Я вам даю ответ, а вы придумываете к нему вопрос, понятно? Мой ответ: «Да». Жду вопрос!

Рита задумалась на ходу. Спросить, что ли: «Ты будешь хорошо вести себя?» Нет, получится какая-то бессовестная манипуляция, худшее из того, что взрослые проделывают с детьми. «Ты же не будешь больше сбегать из лагеря?» Еще хуже. Девушка пару раз глубоко вдохнула и выдохнула, понемногу отпуская тревогу, и задала вопрос:

– Как думаешь, мы с тобой сможем подружиться?

Кирилл широко улыбнулся и показал ей большой палец. Но уже через мгновение слегка сник и пробормотал:

– Хотя я тут не задержусь, наверное.

– Ага, – ответила Рита, – поглядим.

За таким непростым разговором они дошли до двухэтажного каменного корпуса с большой красной цифрой три на фасаде и поднялись по широким ступеням. Рита ахнула: холл почти что пустовал. Только стояли сиротливо два чемодана, ее и еще один, стильный, на колесиках, такие почти невозможно достать. Его придерживала за ручку та красивая девочка с нарумяненным лицом, с которой Осипова еще раньше наметила пообщаться наедине. Рита испуганно пискнула:

– А где все?

– Приехала еще одна вожатая и развела ребят по комнатам, – четким тоном отличницы отрапортовала девочка. – Меня оставила дожидаться вас и сказать, чтобы вы шли в вашу комнату.

– Хорошо. Кирилл... – Рита глянула через плечо, однако мальчишки там уже не было, только осталась на ступеньках его сумка с олимпийскими кольцами. – Да где же он?

Девочка, решив, что вопрос адресован ей, чуточку растерялась и пожала плечами.

Рите захотелось лечь на цементный пол, пару раз хорошенько стукнуться об него головой и лежать так, пока ее не отправят обратно в город, потому что так будет лучше для всех.

– Ладно, иди в комнату, – велела она девочке. – Хотя нет, погоди немного. Как тебя зовут?

– Терезия Руденко.

Девочка заметно расслабилась, приветливо улыбнулась и стала еще красивее. Рита решила установить надежный контакт, прежде чем она скажет юной красотке то, что собиралась.

– Какое славное у тебя имя! Я его слышала только один раз, в одном отличном старом фильме.

– Я знаю, – с готовностью кивнула девочка. – В фильме «Над Тиссой», который про шпионов.

– Верно. Тебя в честь героини этого фильма называли?

Еще один кивок.

– Да. Моя мама родом из тех мест, из Закарпатья. Но отец – военный, поэтому я только иногда гощу там у нашей родни.

– Понятно. – Рита решила, что пора переходить к главному. – Терезия, у меня к тебе серьезный разговор. Ты очень симпатичная девочка и наверняка сама об этом знаешь, так ведь?

Терезия не ответила, но лицо ее напряглось, а в глазах появилась тревога – странная реакция на комплимент.

– Вот только тебе пока рановато пользоваться косметикой, хоть ты, признаю, с этим хорошо справляешься. Нет, на дискотеки и праздники немного можно, – заспешила Рита, побоявшись прослыть занудой, – но вот на каждый день это неуместно и вредно для кожи.

Пухлые губы Терезии чуточку задрожали, она опустила глаза и пробормотала:

– На мне нет косметики. Я вообще никогда не крашусь.

Рита моментально поверила ей и ужасно огорчилась из-за допущенной оплошности.

– Ой, тогда извини, Терезия, – забормотала она. – Понимаешь, я привыкла, что ленинградские дети обычно бледные, вот и... Все, можешь идти в свою комнату. Скоро мы с Анной Рейновой поведем вас знакомиться с лагерем.

Руденко спешно покатила свой чемодан в сторону двери. Рите же предстояло в очередной раз найти Мальцева. Хорошо хоть, автобусы уже ушли, вокруг них лес, а значит, мятежный пионер точно находился на территории лагеря.

Глава 2. Явление куклы

За последующую четверть часа Рита дважды обежала лагерь вдоль и поперек, успела впасть в отчаяние и расписаться в полной неспособности быть вожатой, но по пути к корпусу все же обнаружила Мальцева на площадке аттракционов. За этим громким названием скрывались всего лишь качели для разных возрастов, скособоченная деревянная карусель и две проржавевшие горки. Вот среди них и бродил Кирилл, отряхивая руки и что-то бормоча себе под нос. Сил разговаривать с ним по-доброму уже не осталось, Рита просто зашла со спины и скомандовала:

– Мальцев, в корпус! Живо! Завтра успеешь накататься!

Мальчик обернулся и посмотрел на нее на этот раз без улыбки, а как-то иронично, приподняв длинную выгоревшую бровь, будто спрашивал безмолвно, уверена ли она, что завтра он по-прежнему будет находиться в этом месте. Затем он с высоко вздернутой головой зашагал в сторону корпуса. Рита шла следом, не отрывая взгляда от его спины, а про себя недоумевала: да что такое случилось с детьми за пять лет после ее единственной в жизни поездки в лагерь? И что ей теперь, этого Мальцева дни и ночи напролет караулить?

Осипова проводила мальчишку до комнаты, напомнив прихватить сумку, и проследила, как он бредет нога за ногу к единственной не занятой кровати у стены. Потом, вымотанная, мечтающая лишь о конце этого кошмара, она вернулась к своим вещам, так и ожидавшим ее посреди опустевшего холла...

Стоп, а почему чемодан лежит на боку? Рита его точно оставляла в стоячем положении. Чемодан был новый, и она инстинктивно защищала желтые бока от столкновения с полом, неизвестно насколько чистым. Наверное, уронили те пацаны, которые устроили тут игру в бег с препятствиями.

Девушка, кряхтя по-старушечьи, подняла чемодан и потащила его к не приметной двери за лестницей, в комнатушку, выделенную на обеих вожатых. Ей предстояло встретиться со своей напарницей, но Рита так устала, что даже не волновалась, как обычно бывает при новых знакомствах.

Опытная вожатая Анна Рейновна в комнате уже освоилась, ведь ей всего-то пришлось перенести свои вещи из корпуса старших ребят, где она проработала первые две смены. В квадратном тесном помещении с одним окном она заняла кровать у двери, и теперь на ветхом покрывале громоздились беспорядочные стопки одежды, альбомы, кипы цветной бумаги, пакетики с бисером и еще много чего загадочного для Риты, никакими рукоделиями не владевшей. К оставшейся кровати у окна она пробиралась, перепрыгивая через ряды обуви всех видов, от теннисных тапочек до остроносых лакированных туфель на запредельном каблуке. Судя по примерно сороковому размеру, напарница была девушкой отнюдь не хрупкого сложения.

Рита споткнулась о босоножку, перешагнула в последнем рывке через гигантские красные кеды и наконец достигла своей койки. Села и тут же провалилась в громко взвизгнувшую панцирную сетку. Уронила чемодан набок – чего уж теперь церемониться. Посидела немного, привыкая к новому месту, и устало подумала, что квадратное окошко придется держать открытым, иначе они тут просто задохнутся. А значит, их с Анной будут нещадно поедать комары, но придется из двух зол выбрать меньшее... А вдруг Анна не выносит комариных укусов и потребует закрывать окно? Ох, как же трудно жить там, где ты не хозяйка и твое мнение мало что значит!

Рита издала горестный вздох и склонилась над чемоданом, чтобы к появлению напарницы полностью разложить вещи, а заодно продемонстрировать, что сделать это можно быстро и аккуратно, не превращая жилище в полосу препятствий. Она откинула крышку... и в испуге

дернулась назад, стукнувшись локтем о железную боковину кровати так, что даже слезы выступили от боли.

Первая мысль была, что она перепутала чемоданы в холле с кем-то из ребят, и это еще в лучшем случае. Если путаница произошла в автобусе, то придется бегать по всему лагерю и спрашивать, у кого ее чемоданчик. Отлично, она с первого же дня прослышет здесь глупой заполошной растяпой. Но нет. Вот же, из кармана на крышке выглядывала семейная фотография, сделанная за два месяца до гибели брата. Его тогда наконец отпустили в увольнение, и никто не подозревал, что эта встреча – последняя перед отправкой в Афганистан. Рита сделала для фотографии рамку-паспарту и всегда брала ее с собой, даже если уезжала из дома на пару дней. Следом за фотографией она узнала свою одежду и выдохнула с облегчением.

С толку ее сбила большая мягкая кукла, распластавшая конечности поверх вещей и малость примятая крышкой чемодана. Рита вынула ее и повертела в руках. Кукла была хороша, мастерски сделана, в высоту была примерно сантиметров шестидесяти. Круглая голова – из плотного трикотажа телесного цвета, из него же пошиты руки и ноги, да так искусно, что пальчики на руках казались настоящими, даже ногти были намечены и покрыты бесцветным лаком. На ногах кожаные бирюзовые сандалики с застежками. Нос матерчатый, но не пимпочкой, трикотаж натянут на внутренний каркас. Черты лица вышиты шелковыми нитками, глаза большие и круглые, губы сочные, яркие, их уголки приподняты в бездумной радостной улыбке. Волосы... Рита долго ощупывала две светло-русые косички с белыми бантиками и пришла к выводу, что волосы настоящие, человеческие.

Минут пять она крутила куклу в руках, восхищаясь пошитым с учетом малейших деталей школьным платьем, кружевными манжетами и воротничком и белоснежным передником с крылышками. На каркасной, довольно длинной шее куклы алел красный галстук. Такую игрушку не купишь в магазине. Кто-то изготовил ее с большим мастерством, любовью и терпением. Рита никогда особо не увлекалась куклами, но эту ей, девятнадцатилетней девице, даже захотелось оставить себе, привезти из лагеря и усадить на собственную кровать.

Но это было невозможно, о чем вожатая Маргарита Николаевна немедленно напомнила себе. Кукла попала в ее чемодан вследствие ошибки или озорства. Второе даже вернее. Возможно, она принадлежала той девочке в очках, которая так отчаянно рылась в своих вещах и едва не рыдала в голос. Вытащить куклу могли еще по пути в лагерь, потому что часть вещей была свалена на задние сиденья. Рита и сама не захотела совать новый чемодан в пыльные недра автобуса, пристроила его в салоне на свободное место. Теперь пожалела. Было неприятно осознавать, что кто-то рылся в ее личных вещах, касался их.

– Ого, да вас тут двое! – раскатисто прозвучал от дверей такой низкий голос, что Рита поспешила захлопнуть крышку, решив, что к ним без стука сунулся какой-то мужчина.

Но на пороге стояла круглоголовая девица атлетического сложения. Небрежный пучок морковного цвета на ее макушке почти касался притолоки, а округлые плечи – боковин дверного прохода. У девицы было щекастое лицо, по очень белой коже словно были размазаны ярко-желтые веснушки. Она по-мужски широко расставила ноги, плотно обтянутые джинсами, растянула полные губы в ухмылке, покачивала головой, словно застала Риту за каким-то сомнительным делом, и щурила глаза, тоже рыжие. Лет ей было хорошо за двадцать. Осипова сразу определила напарницу как громогласную и беспардонную особу – знавала таких прежде. И подумала обреченно, что ее жизнь в лагере складывается как нельзя скверно.

Девица сделала пару широченных шагов вперед, выхватила куклу и стала крутить ее в руках с такой скоростью и небрежностью, что Рита перепугалась – сейчас разорвет. Она охнула и бросилась отнимать. Девица с противной ухмылочкой спрятала куклу за спиной, растопырив локти.

– Что, махонький талисманчик из дома? Подружка детства?

– Нет! Отдайте! – пыхтела Рита, пытаясь как-то обхватить руками необъятный стан и вырвать куклу. – Это не моя, ее нужно прямо сейчас отнести в комнату девочек!

– Ты что, ко мне на «вы» обратилась? – удивилась напарница, на вытянутой руке подняв куклу под потолок. – Да ну, будь проще, подруга! Зови меня хочешь Анной, а хочешь – Рейновной, ко второму я даже больше привыкла. А ты Марго, да?

– Я Рита. Хорошо, Анна, только отдай мне куклу, она сюда попала по ошибке. Ее, возможно, уже ищут.

– Ладно, держи.

Кукла перелетела через голову Риты и шмякнулась ей на подушку.

– И займись уже делом, Марго. Я эту шпану подзаборную раскидала по комнатам, внушила основные правила, к общему знаменателю привела. А ты где шлялась?

– У нас один пионер не дошел с первого раза до корпуса, – холодно уронила Осипова, стараясь даже не смотреть на напарницу. – И со второго – тоже. Пришлось искать его и сопровождать до комнаты.

– Это, что ли, патлатый такой, с лицом народовольца? Мальцев?

– Да, он.

– А, ясно. Этот шпанец у меня на особой примете. С ним я работу уже провела, подробно рассказала, какой беспросветной станет его жизнь в лагере, если он, хрень болотная, хоть разочек выведет меня из себя. Сейчас сидит и обтекает, враз шелковым стал... Так, нам с тобой нужно поторапливаться – сейчас общий сбор отряда, уже через минуту, потом линейка. Давай, Марго, в темпе, цигель-цигель! Я, конечно, двужильная, но не надейся, тебе без дела сидеть не дам! – И, громко топая, она покинула комнату.

Рита выдохнула, снова склонилась над чемоданом и обнаружила, что руки у нее ходят ходуном. Все было просто ужасно.

Понадобилось несколько минут, чтобы продышаться. В раскрытое окно она видела, как на деревянной террасе, опоясывающей корпус, Анна Рейновна уже построила отряд и теперь муштрует всех вместе и поодиночке. Требуется стоять по стойке смирно, скромно улыбаться, звуков не издавать, дышать всем в такт. Те, кто не вписывался, отправлялись в отдельную штрафную группу. Мальцев, кстати, уже был там. «Кажется, моя миссия будет заключаться в спасении бедных пионеров от этого морковного монстра», – подумала Рита, молниеносно переодеваясь в свежую футболку и кое-как приглаживая волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.